

Песоцкий Сергей Александрович

**Внутренний религиозный
опыт в деле исследования и
апологии христианства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Александрович П.**
Внутренний религиозный опыт в деле исследования и апологии христианства
/ Песоцкий Сергей Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
143 с.

ISBN 978-5-521-27817-6

ISBN 978-5-521-27817-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мало сказали мы о характерѣ научной христіанской апологетики. Но изъ этого видно, что путь апологета — путь долгій и трудный, требующій и развитія ума, и предварительныхъ знаній,—путь, слѣдовательно, не всѣмъ и каждому доступный; это путь *науки*, возможный только для людей науки или сколько нибудь причастныхъ къ ней. И многое можетъ включить въ область своего изслѣдованія апологетъ: ученіе о религіи вообще, ея сущности, происхожденія, развитія, значенія,—ученіе о религіи богооткровенной въ ея существѣ, признакахъ и содержаніи,—ученіе о религіи въ ея историческихъ формахъ,—апологію христіанства, какъ единой истинной, богооткровенной религіи, и проч. Матеріалъ обильный, благодарный, возможно, что и благотворный;—но—матеріалъ внѣшній: можно быть ученымъ апологетомъ, съ искусствомъ и опытностью оперировать богатымъ апологетическимъ матеріаломъ и... оставаться холоднымъ къ нему: вѣдь богословъ еще не есть религіозный, горячо вѣрующій сердцемъ человѣкъ!

Систематическаго, научнаго апологетическаго богословія было бы достаточно для христіанина, еслибы религія наша была дѣломъ только знанія, разума, еслибы она была чѣмъ либо въ родѣ философскаго міровоззрѣнія или міросозерцанія; тогда понятно: „разумное“ должно изслѣдываться, обосновываться и доказываться только разумомъ. Но религія есть *жизнь человека въ Богѣ*; она обнимаетъ *всю* силы души человѣческой—и умъ, и волю, и чувство, *все* духовное разумно-свободное существо человѣка; но воспринимается прежде всего *сердцемъ*, путемъ врожденнаго человѣку религіознаго *чувства*. Какъ же изслѣдовать эту „жизнь человѣка въ Богѣ“, какъ убѣдиться, есть ли она въ насъ, и истинная ли это „жизнь“? Конечно, только однимъ путемъ—*пережить* въ себѣ эту жизнь въ Богѣ, пережить *всѣми* силами своей души, *всѣмъ* своимъ внутреннимъ разумно-свободнымъ существомъ, подчинить ей умъ, склонить къ ней

волю, а главное—переживать ее сердцемъ, такъ чтобы эта „жизнь въ Богѣ“ стала нашею жизнью, а не чѣмъ-то чуждымъ для насъ. Рациональныя доказательства въ такомъ дѣлѣ мало докажутъ; а на свидѣтельства другихъ людей не всегда можно и полагаться: всегда лучше испытать и убѣдиться самому. Чтобы познать „жизнь“, нужно отнестись къ ней „живѣ“, „внутреннѣ“, искреннѣ, „субъективнѣ“; тогда это знаніе будетъ прямѣ, полнѣ и многоплоднѣ.

Вопросъ объ этомъ „переживаніи“ нашей „жизни въ Богѣ“ нашимъ внутреннимъ существомъ или, какъ выражаются, о внутреннемъ нашемъ „религіозномъ опытѣ“ (т. е. опытѣ внутренняго переживанія религіозныхъ истинъ)—вопросъ чрезвычайно интересный, а для апологета истинной религіи—вопросъ и чрезвычайно важный. Прежде всего онъ ставитъ наше религіозное знаніе, силу нашего убѣжденія въ предметахъ нашей религіозной вѣры не на какую нибудь абстрактную логическую почву, не на почву однихъ отвлеченныхъ разсудочныхъ умозаключеній и доказательствъ, не для всѣхъ, можетъ быть, убѣдительныхъ, не для каждаго и удобопріемлемыхъ. Религіозный опытъ ставитъ дѣло прямо на совершенно конкретную, эмпирическую почву, на почву *опыта, опытнаго убѣжденія*, личнаго переживанія, и потому естественно долженъ и привлекать къ себѣ преимущественный интересъ и покорять себѣ умы и сердца своимъ *опытнымъ*, нагляднымъ доказательствомъ. Вѣдь *какъ* мы обыкновенно убѣждаемся въ чемъ бы то ни было? Конечно, путемъ опыта, опыта нашего личнаго, нами пережитаго или переживаемаго, все равно—однажды ли мы что либо пережили или постоянно это переживаемъ, испытываютъ ли это и другіе люди или только мы одни. Другимъ людямъ иногда есть основаніе не вѣрить; и намъ другіе могутъ не вѣрить; но что пережили *мы сами*, что связано съ нашею жизнью, тому мы, конечно, вѣримъ и будемъ вѣрить; что мы сами испытали, то для насъ и есть самое достовѣрное; не бу-

детъ же человѣкъ отрицать то, что связано съ его личностію, что составляетъ дѣйствительный фактъ въ его существованіи. Если, такимъ образомъ, говорить о личномъ внутреннемъ переживаніи религіозныхъ истинъ, то нельзя не признать, что такое переживаніе есть столь же несомнѣнное, опытное, эмпирическое доказательство, какъ и доказательства другихъ истинъ, существующія въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія,—въ наукахъ, напр., и естественныхъ и гуманитарныхъ; разумѣется, въ естествознаніи доказательства почерпаются изъ натурального, добываемаго *внѣшнимъ* опытомъ, *внѣшнимъ* наблюденіемъ, впечатлѣніями, получаемыми при посредствѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ; но въ области гуманитарныхъ наукъ средствомъ доказательства служить по преимуществу опытъ *внутренній*, самонаблюденіе, самосознаніе и т. д. Если не по происхожденію и не по содержанію, то по характеру близокъ къ нему и внутренний опытъ *религіозный*. Мы можемъ *внутренне убѣдиться* въ предметахъ нашей религіозной вѣры, можемъ провѣрить ихъ на себѣ, можемъ слышать или читать о подобной провѣркѣ отъ другихъ, заслуживающихъ довѣрія лицъ. Не мало для этого есть источниковъ, не мало есть историческихъ свидѣтельствъ; это—писанія пр. Макарія Великаго, Антонія Великаго, Исаака Сиріянина, бл. Августина, Симеона новаго Богослова, еп. Теофана затворника, о. Іоанна Сергіева кронштадтскаго и др. Довольно почитать творенія этихъ богоодаренныхъ мужей, чтобы видѣть, что много тайнъ духовной жизни знали они не по умозрѣнію, а по собственному внутреннему опыту, что передавали они въ большинствѣ то, что извѣдали сами на опытѣ,—что, значить, и они и многіе, конечно, другіе мужи владѣли въ изобиліи и руководились въ своей жизни личнымъ внутреннимъ религіознымъ опытомъ,—что это такой источникъ въ рукахъ апологета и въ дѣлѣ апологіи истинной религіи, которъ неизмѣненъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разные вре-

мена,—что онъ одинъ и тотъ же на протяженіи многихъ вѣковъ, что въ общемъ религіозный опытъ у всѣхъ живущихъ имъ выражается въ одной и той же формѣ и приводитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Если такъ, значитъ религіозный опытъ не есть что либо узкое, индивидуальное, субъективное, случайное, а имѣетъ болѣе глубокое, болѣе существенное основаніе, основаніе объективное для человѣка, постоянное, неизмѣнное, всеобщее,—значить онъ имѣетъ и долженъ имѣть силу, какъ опытное, эмпирическое доказательство, не только для тѣхъ, которые лично имѣютъ этотъ опытъ, а вообще для человѣческаго сознанія, для научнаго убѣжденія.

Что такое религіозный опытъ? Разумѣется, это не видѣніе глазами, не слышаніе ушами, не ощупываніе руками: религія не подходитъ подъ мѣрку всего вещественнаго, матеріальнаго. Но вѣдь и изъ области даже матеріальнаго не все можно увидѣть, услышать, ощупать; тѣмъ болѣе непримѣнима эта грубая мѣрка къ области чисто духовнаго, идеальнаго, религіознаго. У насъ есть не только пять виѣшнихъ органовъ чувствъ; есть у насъ и внутреннее чувство, чувство религіозное, тоже прирожденное душѣ нашей и дѣйствующее въ нашемъ сердцѣ. И это чувство достаточно широко; имъ мы можемъ *видѣть, слышать, осязати*, но не грубо-матеріально, а болѣе тонко, *духовно*,—можемъ воспринимать впечатлѣнія изъ той сферы, которой и касается религіозное чувство,—изъ міра сверхъестественнаго,—можемъ сердцемъ видѣть то, что недоступно разуму. Вѣдь тѣлесно, чувственно *Бога не видѣлъ никто никогда* ¹⁾; разумъ, значитъ, самъ по себѣ о сверхъчувственномъ мірѣ ничего не можетъ знать; да и самое „богословствованіе не есть дѣло одной умственной стороны“ ²⁾; *Богъ есть духъ* ³⁾,—

¹⁾ Іоан. 1, 18.

²⁾ *Епископъ Теофанъ. Письма о духовной жизни.* М. 1882, стр. 76.

³⁾ Іоан. 4, 24.

значить, видѣть Его можно только духовно, особымъ чувствомъ, сердечнымъ, религиознымъ. Богъ, говоритъ преп. Симеонъ новый Богословъ, „дарующій намъ то, что выше чувства, даетъ намъ благодатію Св. Духа и другое чувство выше чувства, чтобы мы имъ чувствовали чисто и ясно дары Его и дарованія, кои выше чувства“¹⁾. „Богъ,—разъясняетъ тотъ же преп. Симеонъ,—который есть первая причина всего прочаго, единъ есть. И это едино есть свѣтъ и животъ, Духъ и Слово, уста и глаголъ, премудрость и вѣдѣніе, радость и любовь, царство небесное и рай, небо небесъ, какъ и солнце солнцевъ, и Богъ боговъ, и всякое другое добро..., оно есть и именуется всеобъемлюще, существенно и господственно—благо. Оно не имѣетъ совершенно никакого подобія съ видимымъ, но есть выше всякаго видимаго добра, несравненно и неизреченно. И нераздѣлимо сіе едино, какъ видимое раздѣлено одно отъ другаго, но пребываетъ одно и тоже, безъ всякаго измѣненія. Оно есть всеблага, высшее всякаго блага. Съ другой стороны и человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, почтенъ тѣмъ же образомъ бытія, и имѣетъ въ единой душѣ и умъ и слово, и единое чувство, хотя оно, по пяти естественнымъ потребностямъ тѣла, дѣлится на пять чувствъ. Въ отношеніи къ тѣлесному оно нераздѣльно раздѣляется посредствомъ пяти частныхъ чувствъ—зрѣнія, слуха, обонанія, вкуса и осязанія, и будучи измѣняемо неизмѣнно, проявляетъ дѣйственность свою,—и видитъ (не само чувство, но душа посредствомъ его), и слышитъ, и обоняетъ, и вкушаетъ, и различаетъ вещи по осязанію. Въ отношеніи же къ духовному нѣтъ необходимости, чтобы это общее чувство раздѣлилось на пять чувствъ, какъ бы на пять оконъ, —не требуются ни очи, чтобы, открывая ихъ, видѣть

¹⁾ Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова, пер. еп. Теофана, изд. 2, вып. 2. М. 1890, стр. 553.

тамошнія вещи, ни уши, чтобы слышать слово, ни органъ обонянія, чтобы обонять тамошнія доброты, ни губы и языкъ, чтобы вкушать и различать сладкое отъ горькаго, ни руки, чтобы различать твердое и мягкое, тяжелое и легкое. Но оно выходитъ внѣ всего этого, что мы сказали, и естественно послѣдуетъ за умомъ, не раздѣляясь отъ него и несясь все всецѣло съ нимъ; но пребывая всецѣло единымъ чувствомъ, оно имѣетъ съ собою и въ себѣ пять чувствъ (или точнѣе сказать—болѣе), поскольку всѣ они едино суть. Душа, умъ, слово суть едино, въ единой сущности и единомъ естествѣ человѣка,—и это едино чувствуетъ, рассуждаетъ, какъ разумное существо, понимаетъ, помнитъ, совѣщается съ собою, желаетъ или не желаетъ, избираетъ или не избираетъ, любитъ или ненавидитъ, и это едино есть живущее (существо или сила), которое въ одно и тоже время и видитъ, и слышитъ, и обоняетъ, и вкушаетъ, и осязаетъ, и понимаетъ, и знаетъ, и говоритъ... Богъ, Творецъ всяческихъ. единъ есть, и сіе едино есть всякое благо. Съ другой стороны и душа, разумная и бессмертная, тоже едина есть. И она едина есть вся—чувство, совмѣщающее въ себѣ всѣ чувства, какія ни есть. Итакъ, когда единый всяческихъ Богъ является чрезъ откровеніе единой разумной душѣ, тогда открывается ей всякое благо и въ одно и тоже время созерцается (ощущается) всѣми вмѣстѣ чувствами ея. Сіе единое и всякое вмѣстѣ благо и видимо бываетъ ею, и слышимо, и услаждаетъ вкусъ, и облагоухаваетъ обоняніе, осязается, познается, говоритъ и говорится, знаетъ и знаемо бываетъ, и что знаетъ, сіе сознается. Ибо кто познается Богомъ, тотъ знаетъ, что познается, и кто видитъ Бога, тотъ знаетъ, что и Богъ видитъ его. Но кто не видитъ Бога, тотъ не знаетъ, что Богъ видитъ его, такъ какъ самъ не видитъ Его, хотя хорошо видитъ все прочее. Итакъ, которые удостоились увидѣть заразъ всѣми вмѣстѣ чувствами, какъ однимъ изъ многихъ чувствъ, сіе всеблаго,

которое и едино есть и многое, поелику есть всеблагое, тѣ говорю, поелику познали и каждодневно познають разными чувствами единого чувства разными вмѣстѣ блага, какъ единое, не сознають во всемъ сказанномъ никакого различія, но созерцаніе называютъ вѣдѣніемъ и вѣдѣніе созерцаніемъ, слухъ зрѣніемъ и зрѣніе слухомъ, какъ и пророкъ Аввакумъ говоритъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой и убохся. Господи, разумѣхъ дѣла Твоя и ужасохся.* Отъ кого же это другаго онъ услышалъ? Пророчествуя, онъ о Господѣ проповѣдалъ. Какъ же говоритъ: *Господи, услышахъ слухъ Твой?* И что хочетъ онъ открыть чрезъ удвоенное слышаніе, когда говоритъ: *услышахъ слухъ Твой?* Что другое, кромѣ того, что чрезъ осіяніе Святаго Духа или откровеніе отъ Него позналъ удостовѣрительно Господа нашего Иисуса Христа, и опять, чрезъ сокровенное глаголаніе сего же Святаго Духа научаемъ, позналъ все воплощенное домостроительство Господне; и потомъ сіе о Господѣ ученіе, которое пріялъ отъ Духа Святаго, онъ такъ усвоилъ себѣ, какъ бы оно было его собственное, и какъ бы видя Господа, какъ и въ самомъ дѣлѣ удостовѣрительно видѣлъ Его чрезъ осіяніе отъ Святаго Духа, говорилъ Ему: *посреду двою животну познанъ будеши, внигда приблизитися лѣтомъ, познаешися, внигда пріити времени, явишися.* Такъ что ученіе вмѣстѣ и вѣдѣніе, которое бываетъ чрезъ созерцаніе, дѣйствіемъ Духа, онъ называетъ слухомъ, который слышалъ, о воплощенномъ домостроительствѣ Господа. И тѣмъ, что сказалъ: *Господи!* показываетъ, что видѣлъ Его предъ собою и собесѣдовалъ съ Нимъ; ибо какой человѣкъ бесѣдуетъ съ тѣмъ, кого не видитъ? Ужели кто можетъ, не видя, земнаго царя предъ собою, говорить ему: о, царю! услышалъ я опредѣленія, какия положила царская власть твоя? Никакъ. А пророкъ говоритъ, и говоритъ не только—*услышалъ слухъ Твой*, но еще и—*познанъ будеши*, и—*познаешися*, и—*явишися*; почему, какъ познавшій со всею удостовѣритель-

ностью весь совѣтъ Господа, говоритъ какъ бы Ему: то и то хочешь совершить ты, Господи, какъ опредѣлило царство Твое. Да и всѣ пророческія изреченія наибольшую частію тоже значатъ" ¹⁾. Богъ, какъ видно изъ этого разъясненія преподобнаго отца, является чрезъ откровеніе человѣческой душѣ, открываетъ ей всякое благо, и душа всѣми своими чувствами въ одно и тоже время созерцаетъ, ощущаетъ это благо, и видитъ его, и слышитъ, и обоняетъ, и осязаетъ, сознавая хорошо, что это такое. Да не подумаетъ кто, будто это видѣніе, это слышаніе, это осязаніе,—не очами, не ушами и не перстами, потому что открываемое Богомъ благо духовно, а религіознымъ чувствомъ,—есть что либо фантастическое, только воображаемое! Для человѣка, живущаго только земнымъ, такое видѣніе, слышаніе и осязаніе Господа и всего, что Онъ открываетъ душѣ, будетъ, конечно, по меньшей мѣрѣ загадкой, такъ какъ такой человѣкъ ничего выше земного не можетъ ни знать, ни понимать: *душевный человекъ вообще не принимаетъ того, что отъ Духа Божія и почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно* ²⁾; такой человѣкъ—духовный слѣпецъ, ничего не видящій изъ того, что видятъ люди, обладающіе особыми нравственными чувствами; вѣдь есть люди, которые и саму религію считаютъ неразуміемъ, фантазіей, мечтой, потому что никогда не имѣли ее въ себѣ; какъ же они способны уразумѣть самыя тайны религіи? „Безумные вообще смѣются надъ великими предметами; такихъ людей невозможно и убѣдить; и если станешь убѣждать, то сдѣлаешь только противоположное; для того, что превышаетъ разумъ, нужна одна вѣра“ ³⁾.

¹⁾ Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова, пер. еп. Оеофа. на, вып. 1. М. 1882, стр. 436—439.

²⁾ 1 Кор. 2, 14.

³⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста, изд. СПб. дух. Акад., т. X, кн. 1. СПб. 1904, стр. 90.

а вѣры-то у нихъ и нѣтъ. Чтобы постигнуть то, что воспринимается вѣрою, что служить предметомъ религіи, нужно имѣть въ себѣ органъ для воспріятія впечатлѣній сверхъчувственнаго міра, именно религіозное чувство. И въ комъ оно не заглушено, тотъ и пойметъ и ощутитъ откровеніе Бога его разумной душѣ. Самъ Іисусъ Христосъ *видѣлъ* Отца Своего, *слышалъ* Его, получалъ *наученіе* отъ Отца, *пресыщающую* въ Немъ ¹⁾; Господь чувствовалъ въ Себѣ, ощущалъ живущаго въ Немъ Духа Божія ²⁾, Которымъ Онъ былъ и водимъ ³⁾. Кто нибудь скажетъ, что Іисусъ Христосъ былъ Богъ, Сынъ Божій, единосущный и нераздѣльный со Отцемъ и Духомъ. Но Іисусъ Христосъ былъ вмѣстѣ и человѣкъ; и, какъ человѣкъ, Онъ и возносилъ молитву къ Отцу Своему и совершалъ нравственные подвиги, свойственные человѣческому существу. И никто не дерзнетъ сказать, чтобы молитва Сына Божія была молитвой холодной, внѣшней, чтобы Отецъ сейчасъ же не отвѣчалъ Своему едиnorodному Сыну и чтобы Сынъ не чувствовалъ, не ощущалъ этого Своего общенія съ Отцемъ. Вѣдь такое общеніе есть сущность религіи; а о нашемъ Спасителѣ даже самые упорные враги Его говорятъ, что никто въ такой полной мѣрѣ не жилъ въ области религіи и никто всею душею своею не понималъ такъ религіи и жизни религіозной, какъ Іисусъ Христосъ, что въ Немъ „дѣйствительно существовало полнѣйшее единеніе человѣческаго съ божественнымъ, при которомъ первое во всѣхъ своихъ движеніяхъ совершенно обуславливается послѣднимъ, однако такъ, что все это чувствуется и сознается, какъ наше собственное“,—и что Іисусъ Христосъ „не словомъ только высказалъ это, но и фактически осуществилъ во всѣхъ

¹⁾ Іоан. 5, 19; 8, 28. 38. 40; 14, 10.

²⁾ Лк. 4, 18.

³⁾ Мр. 1, 10—12.

положеніяхъ жизни“ (Штраусъ). Если Христосъ Спаситель есть идеаль нашъ во всемъ, значить Онъ—образецъ нашъ и въ жизни религіозной; если въ насъ должны быть тѣже представленія, тѣже чувствованія, какія были во Христѣ (Исусѣ¹⁾), значить и мы должны поставить свою религіозную жизнь такъ, чтобы тоже ощущать, чувствовать свое общеніе съ Творцомъ, чтобы переживать его въ себѣ, чтобы жить въ Богѣ и предъ Богомъ. Для того Богъ и сотворилъ родъ человѣческій, чтобы люди *искали Его, не ощутивъ (ослажуъ) ли Его и не найдутъ ли Его*, потому что *Онъ недалеко отъ каждаго изъ насъ*²⁾; Бога, значить, можно „ослазать“, „ощущать“,—конечно тогда, когда Онъ близокъ къ нашей душѣ. Когда это бываетъ? *Кто имѣетъ заповѣди Мои, возвѣстилъ намъ Самъ Господь, и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Я возлюблю его и явлюсь ему Самъ; кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Моё; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ*³⁾. „Если не облѣнимся, учить насъ преп. Макарій Великій, и не дадимъ у себя пажитей безчиннымъ порочнымъ помысламъ, но волею своею привлечемъ умъ, поуждая помыслы устремиться къ Господу, то безъ сомнѣнія Господь Своею волею придетъ къ намъ...; посему старайся угождать Господу, всегда ожидая Его внутренне, взыскавъ Его въ помышленіяхъ, побуждая и принуждая волю свою и произволеніе свое къ Нему непрестанно устремляться. Смотри, какъ Онъ приходитъ къ тебѣ и творить у тебя обитель. Ибо въ какой мѣрѣ собираешь ты умъ свой къ исканію Его, въ такой и еще въ большей мѣрѣ поуждается Онъ собственнымъ Своимъ благоутробіемъ и благостію

¹⁾ Филип. 2, 5.

²⁾ Дѣян. 17, 27.

³⁾ Іоан. 14, 21. 23.